

К. Н. ГРИГОРЬЯН

Из истории русско-армянских культурных связей X—XVII веков

Начальный период образования русско-армянских культурных связей, частичное отражение которых можно проследить в памятниках письменности, относится к далеким временам.

Армения не была для русских летописцев неведомой страной. Опираясь на византийские источники, в частности на хронику Георгия Амартола, в общем введении Повести временных лет и рассказывая, „откуда пошла Русская земля“, летописцы упоминают „Армению Великую и Малую“¹ в перечислении стран, оказавшихся населенными „Афетовым племенем“.

Встречается также в летописи и упоминание гор Араратских, или Раратских, причем не в качестве туманного обозначения неизвестной далекой страны, а как конкретного географического понятия, как крайнего предела христианского мира. Когда русские летописцы хотели дать представление о больших географических пространствах, они прибегали к образу „гор Араратских“, с которыми связывалось традиционное библейское представление о „всемирном потоке“ и о Ноевом ковчеге, якобы приставшем к Араратской горе. Так, например, в Симеоновской летописи, в „Повести о житии и храбрости благоверного великого князя Александра Ярославича“ (Александра Невского) в той части, где рассказывается о возрастающей его славе, летописец говорит: „Начя же имя слыти великого князя Александра Ярославича по всем странам, от моря Варяжского и до моря Понтеского, и до моря Хупожьского, и до страны Тивирейския, и до гор Араратских, иже об ону страну моря Варяжского, и до гор Аравитских, даже и до Рима великого, распространи бо ся имя его пред тмы тмами, и пред тысящами тысящ“².

Русско-армянские культурные связи начали заметнее развиваться после признания христианства государственной религией Руси и проявились прежде всего в сфере церковной жизни — в организации культа русских святых в Армении и армянских на Руси, в церковном строительстве и т. д.

¹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. I. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб., 1846, стр. 2; т. V. Софийская первая летопись (выписки из хронографа Георгия Амартола в приложениях). СПб., 1851, стр. 1; т. VII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859, стр. 261; т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновскою, летописью. СПб., 1862, стр. 2; т. XVIII. Симеоновская летопись. СПб., 1913, стр. 2. — В текстах встречаются и варианты: „Арвинья“, „Армения“.

² ПСРЛ, т. XVIII. Симеоновская летопись. СПб., 1913, стр. 65; т. V, стр. 181, т. VIII, стр. 151; т. XXII, 1914, ч. II, стр. 23.

В Русском хронографе (западнорусской редакции) повествуется о крещении Армении. В основных своих элементах рассказ хронографа совпадает с национальным вариантом армянской исторической литературы, известным по „Истории“ Агафангела: христианский проповедник Григорий спокойно и мужественно переносит все страшные истязания и мучения, которым его подвергает армянский языческий царь Трдат. Наконец, по повелению царя, Григорий был брошен в глубокую яму со змеями и скорпионами, чтобы „эти гады съели его“. Пятнадцать лет пробыл Григорий в этой яме. Он питался пищею, доставляемой ему одной вдовой. Божий гнев покарал Трдата, который обратился в дикого кабана. „И великий страх напал на всю армянскую землю“. Тогда открылось „тайное видение“ сестре Трдата Хосровадухт. Григорий был извлечен из ямы. По его молитвам царь снова принял человеческий образ. Трдат принял христианство, и вместе с ним „была озарена светом“ и вся Армения. Русский хронограф кратко, но точно излагает содержание национальной версии об обращении в христианство Армении.¹ Это же предание с незначительными вариантами повторяется и в одном официальном документе Московской Руси 1447 года.²

Крещение Армении произошло в конце III века. По традиционной версии, царь Трдат III (287—332) и его приближенные приняли новую веру от первого католика армянской церкви Григория Просветителя, по имени которого она именуется григорианской. С этого времени христианство стало в Армении государственной религией.

Имя Григория, епископа „Великия Армении“, в древней Руси пользовалось большим уважением. Русские летописцы, которые всегда с осуждением, вызываемым требованиями официальной православной идеологии, говорят об „армянской ереси“,³ окружают ореолом величия и славы личность христианского просветителя Армении. Он стоит в первом ряду среди христианских великомучеников,⁴ и имя его упоминается среди участников „Собора первого святых отцов“.⁵ По православному календарю, 30 сентября отмечается память „священномученика Григория, епископа Великия Армении“.⁶ Новгородская третья летопись сообщает: „В лето 6953 архиепископ Емфимий постави церковь каменну святого Григория Великия Армении, у святого Варлаама

¹ „Арменский же царь Тиридат, уведев о своем боярине Григории, сыне Анакове, яко христианин есть, и по многих различных муках во граде Арарате вверже его в ров глубокий, идеже множество змиев и гадов. И соверши тамо 15 лет, питаем женою вдовицею. Царю же Тиридату мучашу христиан, и божим гневом поражен бысть, преложиися в вебрь и пребываше в горах. И всю землю божий гнев различными недуги казняше, дондеже божие видение бысть Кусарадукте, сестре Тиридата царя, повелевая Григория извести из рова. Изшедше же и архиерей поставлен бысть и крести всех. Исцели же и царя и всех стражущих от бесов“ (ПСРА, т. XXII, ч. II, стр. 86—87).

² „Также и Арменский царь Тиридат о заоченьи великого Григория претворен бысть вепрем, и ходи две лете, нечистоту яды; но паки умолен быв великим Григорием от сестры его, и сотвори его человека, и также покайся и крестися сам и все царство свое крести“ (Послание российского духовенства углецкому князю Дмитрию Юрьевичу 1447 года, декабря. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (АИ), т. I. 1334—1598. СПб., 1841, стр. 82).

³ ПСРА, т. IX, стр. 59 (об армянских еретиках), стр. 145—148 (диспут св. Иларiona с армянскими еретиками); т. XVI, стр. 27 (об армянских еретиках); т. XX. Львовская летопись. СПб., 1910, стр. 33 (об „армянской ереси“, в статьях, помещенных перед Львовской летописью).

⁴ ПСРА, т. XX, стр. 27, 213.

⁵ Там же, стр. 29—30.

⁶ А. Д. Ерицов. Первоначальное знакомство армян с северо-восточною Русью до воцарения дома Романовых — в 1613 году. „Кавказский вестник“, № 12, 1901. стр. 49.

на Хутины в монастыре, а на верху колокольницу¹. В той же летописи упоминается об освящении храма св. Григория „в лето 7043, июня в 15 день“². Софийская летопись сохранила более подробные сведения: „Тое же весны лета 7043, месяца апреля в 11 день, божией милостью, основана бысть церковь каменна святыи Григорей Великия Армении, в святыя обители всемилостивого Спаса и великого чудотворца Варлаама на Хутыне, против южных дверей большия церкви и чудотворцова гроба“³. Таким образом на древней русской земле, в Хутины, близ Новгорода, была воздвигнута церковь в память „Григория Арменского“.

В церкви Спас-Нередице в Новгороде до недавнего времени сохранялось фресковое изображение Григория Парфянского и св. Рипсимии. „Русская церковь, — пишет проф. Меликсет-Бек, — исходя из традиции времен т. н. «вселенского согласия» в церковной жизни вообще сохранила почитание Григория Парфянского, просветителя Армении, и иже с ним 37 дев (Рипсимии, Гаянии и пр.)“⁴. Еще в 1900-х годах на эти же факты обратил внимание А. Д. Ерицов. Он извлек выписки из „Иконописных подлинников“ новгородской редакции конца XVI века с вариантами из списков Забелина и Филимонова, свидетельствующих о сохранении русской традиционной иконописью обязательных норм изображения Григория Просветителя⁵. В этих правилах написания икон, составленных по месяцеслову, говорится: „В месяце Сентемврие 30 дня празднуется память святого священномученика Григория епископа Великия Армении, бе в лето 5790 (282 г. н. э.), а пишется тако: Подобием рус аки Василий Кесарийский; брада посветлее Васильевы, с проседью; риза святительская богородичь, в омофоре, исподь празелен дымчат, патрахиль вохра блед; власы оброслый; сух же и черен“⁶. Правила иконописания, где давались некоторые общие черты внешнего облика, преследовали прежде всего цель строгого регламентирования работы иконописца, чтобы не допускать отклонения от традиционных норм и условностей. Тем не менее, по этим правилам, как справедливо писал в свое время Ерицов, „художнику пришлось бы изобразить облик армянского просветителя в восточном типе, нисколько не греша ни против национальных преданий армян, ниже против требований исторической точности“⁷.

Из всех этих фактов следует, что русская церковь в течение многих веков не только сохранила память христианского просветителя Армении, но и широко популяризировала его имя.

Армянский писатель XI века Степанос Таронци (Таронский), по прозвищу Асохик, в своей „Всеобщей истории“ упоминает о крещении Руси⁸.

Повествуя о событиях конца X—начала XI века⁹, о смерти „великого куропалата Давида“ в 1000 году и о поездке византийского

¹ ПСРЛ, т. III, стр. 240.

² Там же, стр. 249. — То же самое сообщается в Никоновской летописи (ПСРЛ, т. XIII, стр. 320).

³ ПСРЛ, т. VI, 1853, стр. 296 (отрывок русской летописи г. 7043).

⁴ Л. М. Меликсет-Бек. Древняя Русь и Армения. Сборник трудов Института языка Академии наук Армянской ССР, т. I, Ереван, 1946, стр. 120.

⁵ Сборник на 1873 год, изданный Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1873, стр. 6.

⁶ А. Д. Ерицов. Первоначальное знакомство армян..., стр. 50—51.

⁷ Там же.

⁸ Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прованию, писателя XI столетия. Переведена с армянского и объяснена Н. Эминим. М., 1864.

⁹ Там же, стр. XII.

царя Василия в восточные области, в Абхазию и Иверию, Асохик упоминает факт выдачи царем Василием своей сестры Анны замуж за „царя Рузов“ Владимира Ярославича. „В это же самое время Рузы уверовали во Христа“.¹ Армянский историк имеет в виду принятие христианства киевским князем Владимиром Святославичем в 988 году. К сожалению, у Асохика не указано точное время, когда христианство стало в России официальной религией. Тем не менее, не лишен интереса сам факт, сообщенный автором „Всеобщей истории“, очевидцем событий конца X—начала XI века.²

Русские летописи дают нам факты и сведения конкретно-исторического характера, касающиеся Армении и армян. Из летописей мы узнаем, что в 1346 году в Армении был страшный мор; умирало столько, что, как говорит летописец, „не бе кому их погребати“.³ Армения упоминается в перечислении стран, покоренных в 1385 году Ленк-Тимуром, или Тамерланом, который в летописях именуется Темир-Аксаком.⁴ Об армянах говорится в связи с шествием Мамая в 1380 году („в лето 6888“).⁵

О встрече с армянами, очевидно торговыми людьми, на Волге во второй половине XIV века повествуют летописные рассказы этого времени.⁶

В Русском хронографе (западнорусской редакции) сохранился рассказ о событиях в Армении I века до н. э. об армяно-римской войне, о победах и поражении Тиграна II Великого, с именем которого связан хотя и недолгий, но блистательный период могущества древнего армянского царства. „Тогда же сечеса Антиох Дионик, царь Сирский, с Тигранисом, царем Арменским. И одоле Тигранис и приять Антиохию. Царю же Антиоху бежавшу в Перскую землю, пришед же Помпий Магн от Рима на Килики и победи их. И бися с Тигранисом, царем Арменским, и победи его и приять Армению и Киликию и Сирию разсыпа, отмстив Антиохияном. И вниде во град Антиохию, сотворив я под Римляны. Антиох же Дионик, слышав Арменского царя погибель и Помпиеву победу, пришед от Перския земля, паде пред Помпием, прося у него царства своего. Помпий же, послуша моления его, даде ему царство Сирию и Киликию“.⁷

Автор хронографа в изложении этих событий, по всей вероятности, пользовался византийскими источниками. Он не сообщает ничего нового, не дополняет известные сведения новыми подробностями. Тем не менее, представляет несомненный интерес сам факт, что автор не прошел мимо этих событий и нашел нужным включить их в свое летописание.

¹ Всеобщая история Степаноса Таронского. . . , стр. 200.

² В русской печати об упоминании „Рузов“ во „Всеобщей истории“ Асохика впервые указывалось в корреспонденции студента Московского университета Соломона Тер-Гукасова „Свидетельство восточного писателя о древних Руссах“ (Вестник Европы, 1824, т. 135, № 12, стр. 303—304).

³ ПСРА, т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856, стр. 210; т. X. Никоновская летопись, 1885, стр. 217; т. XVIII, стр. 95; т. XX, стр. 184; т. XXIII. Ермолинская летопись, стр. 108; т. XXV. Московский летописный свод, стр. 175; т. XVI, стр. 95.

⁴ ПСРА, т. VI, стр. 125; т. VIII, стр. 65; т. XI. Никоновская летопись. 1897, стр. 158—159.

⁵ ПСРА, т. IV. Новгородская четвертая летопись. 1915, стр. 311; т. VI, стр. 90 (в прибавлениях); т. VIII, стр. 34; т. XVI, стр. 107; т. XX, стр. 200; т. XXIII, стр. 124—125; т. XXV, стр. 201.

⁶ ПСРА, т. VIII, стр. 14; т. XVIII, стр. 104—105; т. XXV, стр. 183; т. XIII, стр. 386. См. также: Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. V. Изд. 5-е, СПб., гл. I, стр. 6, примеч. 8.

⁷ ПСРА, т. XXII, стр. 36—37.

После принятия христианства Владимиром Святославичем связи армян с Киевским государством становятся более прочными. Не вызывает сомнения факт существования армянских поселений в древней Руси до татарского нашествия. Н. М. Карамзин в „Истории государства Российского“, говоря об инородцах в древнем Киеве, в числе других народов называет и армян.¹

В Киевопечерском патерике, во втором послании „черноризца“ Печерского монастыря Поликарпа к архимандриту Акиндину, рассказывается о враче армянине „родом и верою“, который был так искусен во врачевании, как еще никто не бывал прежде него; только увидит он больного, узнает и объявит ему смерть, назначив день и час, и такого уже не станет лечить. И никогда не изменялось слово его.²

По своему характеру послание Поликарпа примыкает к обычным произведениям религиозно-нравоучительной церковной литературы с ее яркой тенденцией прославления деятелей русской православной веры и „посрамления“ всех „иноверцев“. В этом древнем памятнике русской легендарной литературы, идейные задачи которого достаточно ясны, врач армянин противопоставлен „блаженному Агапиту“, который наделен всеми христианскими добродетелями. Рассказ завершается полным раскаянием „иноверного“ армянина, отказавшегося от армянской веры и перешедшего под сень русской православной церкви: „И постригся этот армянин в Печерском монастыре и тут кончил жизнь свою в добром исповедании“. Этими словами заключает свой нравоучительный рассказ „блаженный Поликарп“.³

Не вдаваясь в подробный разбор Киевопечерского патерика как литературного памятника, отметим только особое значение сообщенных в нем сведений об армянском враче в Киевской Руси XI века. Факт — несомненно интересный с точки зрения истории ранних культурных связей армян с древней Русью. „С точки зрения нашей темы, — пишет проф. Оганесян, — остается интересным лишь факт существования в Киеве очень опытного врача армянина, слава которого была так велика, что к его помощи обращался даже Владимир Мономах“.⁴

Проф. Оганесян, очевидно опираясь на Карамзина,⁵ высказал предположение о том, что упоминаемый в Киевопечерском патерике врач не был одиноким, что в Киеве были и другие врачи (и не только врачи) армяне.⁶

Подвергая некоторому сомнению достоверность сообщенных в Киевопечерском патерике исторических фактов, проф. Оганесян в доказательство „легендарности повествования“ говорит: „В числе прочих также исторически неточный факт, что армянин «родом и верою» в XII веке оказался не христианином и уверовал в Христа лишь после того, как проникся верою в святого Агапита“. То, что армянин „родом и верою“ оказался не христианином, — случай не единичный в памятниках русской древней письменности. Не нужно забывать конкретные

¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. III. Изд. 5-е, СПб., 1842, стр. 124.

² Киевопечерский патерик по древним рукописям. В переложении на современный русский язык Марии Викторовой. Киев, 1870, стр. 88—89.

³ Там же, стр. 93.

⁴ Л. А. Оганесян. История медицины в Армении с древнейших времен и до наших дней, ч. II. Изд. АН Арм. ССР, Ереван, 1946, стр. 68.

⁵ „Во времена Мономахова, — пишет Карамзин, — славились в Киеве армянские врачи“ (История государства Российского, т. III, стр. 130—131).

⁶ Л. А. Оганесян. История медицины в Армении... ч. II, стр. 67.

исторические обстоятельства эпохи, которые наложили известный отпечаток и на идеологию древних русских авторов.

В раннем средневековье борьба русских церковников против всяких иных толкований христианской веры, против „ересей“ и „еретиков“, в том числе и против „армянских ересей и еретиков“, принимала весьма острый характер. Они проявляли особую непримиримость и вражду ко всем, кто оказался вне единой православной церкви. Этим и объясняются такие с первого взгляда курьезы, когда человека „армянской веры“ не признают христианином. Не только в XII—XIII веках, но и значительно позже, в XVII веке, армян часто и в летописях и в официальных документах называют „иноверцами“.

Однако не следует отождествлять официальную церковную идеологию с действительным отношением русских к армянам. Их часто признавали не христианами, подразумевая, что они не православные, и только. Церковники же на Руси армян считали еретиками, чем и объясняются резкие выпады по адресу армян, которые встречаются в церковно-полемиических документах.

В ожесточенных спорах русские церковники порою прибегали даже к подделке литературных памятников. „Иногда подделка зависела от политических соображений, — писал В. Н. Перетц. — Так возникло при Петре I «Соборное деяние Киевское на армянина еретика Мартина» (1718) — с целью борьбы с старообрядцами; выдававшееся за памятник XII века, оно и по содержанию, и по языку, и по почерку оказалось изделием начала XVIII века“.¹

В атмосфере острой религиозной борьбы весьма интересным фактом является то, что одним из самых ярых приверженцев знаменитого протопопа Аввакума оказался армянский проповедник, „поп из армян“ — Иосиф Истомин, или Астомен. Его мы видим среди активных участников ожесточенной полемики по вопросам веры второй половины XVII века. Он вошел в историю религиозных движений России как „первый учитель раскола в Сибири“.² Нет сомнения, что он познакомился и близко сошелся с Аввакумом до ссылки последнего в Тобольск. Когда борьба достигла своего апогея и правительство приняло решительные меры против раскольников, тогда зачинщики и главарь религиозной оппозиции были сосланы в Сибирь. Среди сосланных оказался и Иосиф Истомин.

В 1660 году Истомин проезжал Енисейск, через Верхотурье, Туринск и Тюмень, проповедуя „свое учение о двуперстии и порицая треперстное значение, как печать антихристову“.³ Как можно судить по скудным, отрывочным сведениям Пермской летописи и по посланиям тобольского митрополита Игнатия, Истомин был последовательным и страстным проповедником, человеком больших душевных сил и крепкой воли. Он убежденно и твердо шел за Аввакумом. В Пермской же летописи говорится о том, что Аввакум и Истомин „были самыми сильными распространителями, в стране Сибирской, раскола“. В частности, Пермская губерния, как пишет об этом Н. Ончуков, — „обязана расколом знаменитому протопопу Аввакуму и попу из армян Иосифу Истомину“.⁴ О них же с гневом писал тобольский митрополит Игна-

¹ В. Н. Перетц. Краткий очерк методологии истории литературы. Пгр., 1922, стр. 92.

² Сборник Русского исторического общества, т. 60, СПб., 1887, стр. 340, 362.

³ Пермская летопись. Третий период. Составил Василий Шишонко. Пермь, 1884, стр. 512.

⁴ Н. Ончуков. По Чердынскому уезду. Живая старина, вып. 1, 1901, стр. 65.

тий: „Кто изречет оная хулы, идый сии сквернии человецы Аввакум и Астомен, изрыгаша, и какова чадения, сиречь угару, прежде в России, потом и в сибирской сей стране не исполниша“.¹

Биограф Игнатия высказал предположение, что слово „армянин“ не следует понимать в прямом смысле. Игнатий принадлежал к старорусской партии и ревниво оберегал чистоту русской православной веры. В своих посланиях он говорил: „Заблуждение раскольников происходит от армян, появившихся в России в царствование Иоанна Васильевича Грозного и распространивших свое учение о двуперстном крестном знамении; поэтому он [Игнатий] называет и самих раскольников армянами или полуармянами, а раскол — армянскою, или полуармянскою, ересью“.²

Учитывая условность терминологии в полемических речах русских церковников, можно допустить, что Игнатий употребил слово „армянин“ в отношении Истомина не в прямом значении, а как чисто полемическую формулу, чтобы указать на враждебность Истомина вероучению русской православной церкви. Но тогда возникает вопрос: почему же в иных случаях ни тобольский митрополит, ни другие не называют никого из своих идейных врагов „армянами“? Скорее всего Иосиф Истомин действительно был по происхождению армянином и являлся выходцем из казанской или московской колонии.

Еще в конце прошлого века исследователи обратили внимание на русско-армянские фольклорные связи. В частности, проф. Г. А. Халатьянцем были отмечены некоторые сходные черты между русским богатырским эпосом и „Давидом Сасунским“.³ В повести о Бове Королевиче, как было указано уже в научной литературе, фигурирует приморское „Орменское“ или „Арменское царство“ Зензевя. Трудно говорить об исторической основе сказочного сюжета повести, тем не менее, проф. Л. М. Меликсет-Бек высказал предположение, что речь идет об армянском Киликийском царстве.⁴

Первые известные нам сведения о русском языке и письме в армянской литературе имеются в памятнике XII—XIII в., под заглавием „Воскепорик (Златочрев)“.⁵

Благодаря исследованиям выдающегося филолога, известного армяниста Н. О. Эмина еще в конце прошлого века был установлен самый ранний факт литературного общения между армянами и Россией.⁶ Мы имеем в виду армянский пересказ русского сказания о Борисе и Глебе — „Сказание о святых Романи и Давиде“. Памятник датируется XIII веком и входит в армянские Четы-Миней — „Йайсм-авурк“, что означает „в сей день“.

Выдвигая прежде всего вопрос: „как вошло русское сказание в армянские Миней?“, — Н. О. Эмин предлагает обратить внимание на заключительные строки армянского текста, вставленные, вероятно, самим переводчиком: „Много других совершено чудес этими святыми (т. е. Романом и Давидом), и они записаны в пространной их

¹ Пермская летопись, стр. 512.

² Русский биографический словарь, т. VII, СПб., 1897, стр. 48. — Здесь же Иосиф Истомин назван „казанским чернецом“.

³ Г. Халатьянц. Давид Сасунский. Образчик армянского народного эпоса. В сб.: Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. Изд. 2-е. М., 1898, стр. 66.

⁴ Л. М. Меликсет-Бек. ук. соч., стр. 108.

⁵ Собрание армянских рукописей Венецианских мхитаристов. № 258/752. См.-Л. М. Меликсет-Бек. ук., соч. стр. 119.

⁶ Сказание о святых Романи и Давиде. По армянским Четым-Минейам. В кн.: Переводы и статьи Н. О. Эмина по духовной армянской литературе (за 1859—1882 гг.): апокрифы, жития, слова и др. М., 1897, стр. 150—155.

истории (интересно было бы знать, какая эта „пространная история“?); чудеса совершаются ими и поныне“. Далее: „Многие из нашей страны (т. е. из Армении), видевшие эти чудеса, рассказывали нам (о них)“.¹

Из этих слов можно сделать два вывода: во-первых, что многие из армян в эту далекую эпоху посещали Русь; во-вторых, нам представляется вполне основательным предположение Н. О. Эмина о том, что автор перевода не только был на Руси, в частности в Киеве, но долго жил там и настолько хорошо выучился языку, что предпринял перевод русского сказания с целью ознакомления своих соотечественников с одним из образцов русской духовной литературы. Эмин отвечает и на второй вопрос: что явилось оригиналом для армянского переводчика и что он внес от себя в текст русского сказания? По мнению Эмина, основанному на изучении текста и сличении его с двумя русскими списками, источником „Сказания о Романе и Давиде“ послужило русское „Сказание о свв. Борисе и Глебе“, приписывавшееся Эминим, вслед за историками русской литературы, черноризцу Иакову, — так называемое анонимное сказание, а не „Чтение о Борисе и Глебе“ Нестора Летописца.

„При описании чудес, — пишет Эмин, — армянский переводчик строго держится своего подлинника, чего нельзя сказать об исторической его части, к которой он относится довольно свободно и которую заменяет незатейливым своим вступлением, оставляя в то же время в стороне все благочестивые размышления автора черноризца“.²

Из заключительных строк армянского текста „Сказания о Борисе и Глебе“ можно сделать и третий вывод: перевод составлен не позднее первой половины XIII века — до 1240 года, когда в Вышгородском храме Бориса и Глеба, разрушенном татаро-монголами, погибли мощи Бориса и Глеба, и, следовательно, нельзя было уже говорить о чудесах, „совершаемых ими и поныне“.

В XIII—XIV веках в жизни армянского народа произошли важные исторические события, которые не могли не сказаться на развитии русско-армянских культурных связей. Так, к концу XIV века Армения потеряла свою государственную самостоятельность и стала добычей Персии и Турции. Произвол, насилие, деспотизм завоевателей довели страну до полной разрухи и опустошения. В течение многих веков правители Турции и Персии проводили жесточайшую политику угнетения и истребления армянского народа. Отдельные группы армян вынуждены бывали покидать свою родину. Как указывает проф. А. К. Дживелегов, „свободолюбивый дух и высокое национальное сознание позволили армянскому народу отстоять и сохранить свою национальность, свой язык и обычаи, пронести сквозь все испытания истории свою многовековую духовную и материальную культуру“.³

Россия стала заветной страной, куда устремились многие из армян. Эмиграция особенно усиливается в XIII—XIV веках, когда в Армении создались невыносимые условия, в результате произвола, насилия и жестокостей поработителей-татар. Н. М. Карамзин, ссылаясь на записки Иосифа Аргутинского-Долгорукого, сообщает: „Татары, завоевав Армению в 1262 году, перевели многих жителей в нынешнюю Астраханскую

¹ Сказание о свягых Романе и Давиде., стр. 153. — Стоящее в скобках принадежит Н. О. Эмину.

² Там же, стр. 154—155. — Текст сказания с обстоятельными комментариями Н. О. Эмина см. там же, стр. 156—167.

³ А. К. Дживелегов. Армения и Турция. Стенограмма публичной лекции, прочитанной 20 февраля 1946 года. Изд. „Правда“, М., 1946, стр. 6.

и Казанскую губернию; некоторые из них ушли в Тавриду и поселились отчасти в Кафе, отчасти в Старом Крыму и близ Судака¹. Эти же сведения находим в двухтомной „Истории Таврии“, где говорится о том, что купцы и ремесленники поселились в Старом Крыму, „который назвали в своем языке Казарат (может быть Казарапат? — К. Г.), и в Кафе, где они оградили заселенную ими часть крепкими стенами, для защищения от татарских набегов“². В Таврии сохранились также армянские памятники материальной культуры второй половины XIV века.³

В XIII веке, до литовского владычества, армяне поселяются в городах юго-западной Руси.⁴

В середине века армяне обосновываются и в соседних с Россией Польше, Галиции, Молдавии, Крыму, в столицах хазар и болгар, в ханстве Золотой Орды.

Сохранились памятники материальной культуры начала XIV века, свидетельствующие о существовании армянского поселения в приволжском крае. Еще Петр I в 1722 году обратил внимание на восточные надписи в древней столице волжских болгар в девяноста верстах от Казани, в девяти верстах от Волги. Среди них были найдены и армянские надписи.⁵ Тогда же Петр велел снять точные копии и „перевести их на российский язык“. В то время армянских надписей было обнаружено только три, позднейшими разысканиями их число увеличилось до пяти. Первоначально ими занялся Сен-Мартен. Позже они привлекли внимание М. И. Броссе, расшифровавшего полностью две надписи, одна из которых еще не была известна в ученном мире.⁶ Первая из них гласит (в переводе Броссе): „Здесь покоится боголюбящий и милостивый господин Автин, сын господина Генера. Вы, читающие [это], просите прощения грехов [его] год 784 арм. — 1335“. Вторая надпись была прочитана полностью, за исключением первого слова пятой строки: „Гроб этот заключает честное тело Сары госпожи, [которая] перешла ко Христу. Вы, которые читаете [это], просите у бога прощения грехов ее... [непрочит. слово] господин Авак. Год 770—1321“.

Броссе не ставил перед собою задачу объяснить, каким образом пятеро армян оказались на севере и „положили кости свои в городе татарском, в начале XIV века“, но предполагает, что их не было в Болгарах в большом числе и что эти гробницы лишь свидетельствуют о посещении города торговыми людьми из армян.⁷

Недалеко друг от друга найдены пять надгробных камней. Можно ли их считать случайными могилами людей, умерших в пути, в чужом городе? Больше основания думать, что это часть кладбища. Содержание надписей ясно говорит о том, что обнаруженные гробницы принадлежат лишь знатым армянам. Надписи сохранили о них память.

¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IV, примеч. 146.

² С. С. Богущ. История о Таврии, т. II. СПб., 1806, стр. 176—177.

³ Петр Келпепен. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837, стр. 28.

⁴ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 1, т. IV, табл. 1204.

⁵ Отечественные достопамятности, или изображение русских исторических памятников и необыкновенных произведений природы, наук и художеств, находящихся в России. Изд. А. С. Ширяева, М., 1823, стр. 43—44.

⁶ Подробно об истории нахождения и расшифровки армянских надписей в Болгарах см.: С. М. Шпилевский. Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877, стр. 249—253.

⁷ М. И. Броссе. Об армянских надписях в Болгарах. Известия имп. Археологического общества, т. II, вып. II, 1859, стр. 181—184.

А кто может знать, сколько безвестных, простых людей из армянского поселения „положили кости“ здесь же, недалеко от берегов Волги? Записки Аргутинского-Долгорукого с полной определенностью говорят о том, как во второй половине XIII века многие из армян оказались на казанской земле.

В русской оригинальной исторической повести „О Царьграде, о создании его и взятии турками в 1453 году“, древнейший текст которой приписывается очевидцу падения Константинополя некоему Нестору-Искандеру, сохранились сведения об участии армянских войск в защите города.

В повести рассказывается о том, как „безбожный царь Амуратов сын“ Магомет Второй пошел войной против последнего византийского императора Константина и осадил Царьград. По мнению исследователей, историческая часть повести написана во второй половине XV века на основании дневников и рассказов современников. Позднейшие наслоения появились в результате переделки текста неизвестным книжником „в духе новой идеи, обставленной политическими легендами о Царьграде и апокрифическими представлениями о будущих судьбах его“.¹

Интересующий нас отрывок относится к наиболее достоверной исторической части, в которой подробно описаны военные события: осада города турецкими войсками и героическая его защита „греками, фрягами и армянами“. Автор находился в турецких войсках, но был русским по происхождению, христианином, и горячо сочувствовал защитникам города, что не могло не сказаться как на идейной концепции повести, так и в описаниях битвы за Царьград.

Силы турок во многом превосходили число защитников города. Не говоря об огромном неравенстве флота (у византийцев было до 15 кораблей, в то время как флот Магомета насчитывал до 420 кораблей и прочих судов), турки выставили 258 тысяч войск, гарнизон же осажденного города составлял не более 7000 человек.²

Армяне упоминаются как участники двух крупных, решающих сражений. В византийских войсках греков, итальянцев и армян, совместно боровшихся против порабощения, объединяла и христианская идеология: „И яко слышаша люди звон церквей божьих, абие укрепияся и охрабришася вси и бяхуся с Туркы крепчае первого, глаголюще друг другу: днесь да умрем за веру христьянскую“.³

По византийским источникам, число наемных войск не превышало двух тысяч человек,⁴ состоящих из итальянцев и армян. В самой повести цифровые данные весьма приблизительны. Здесь несомненно сказалась тенденциозность автора: „един бяшесь с тысящею, а два с тьмою“⁵ — фраза, которая была нужна не столько для показа численного превосходства противника, сколько для воспевания героизма защитников города. Тем не менее, сведения, которые можно почерпнуть из батальных картин повести, отражают реальное количественное

¹ Г. П. Бельченко. К вопросу о составе исторической повести о взятии Царьграда. Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова, Л., 1934, стр. 512—513.

² М. Стасюлевич. Осада и взятие Византии турками. Ученые записки второго отделения имп. Академии Наук, кн. 1, СПб., 1854, стр. 79, 88, 129, 136.

³ Памятники древней письменности и искусства. Повесть о Царьграде Нестора-Искандера XV века (По рукописи Троице-Сергиевской лавры нач. XVI века, № 773). Сообщил архимандрит Леонид. СПб., 1886, стр. 13.

⁴ М. Стасюлевич. Осада и взятие Византии турками, стр. 88.

⁵ Повесть о Царьграде. . . , стр. 7.

соотношение участвующих в боях войск. Приводим описание первого сражения, в котором, наряду с греческими войсками, в защите города участвуют итальянские и армянские части.

„В 14-й же день Турки откликнувшe свою безбожную молитву, начаша сурны играти и в варганы и накры бити, и прикативши пушкы и пищали многие, начаша бити град, такоже стреляти и из ручных и из луков тмочисленных... Егда же Турки начааху — уже всих людий с стен збиша, абие вскрычавши все воинство, и нападоша на град вкупе со всех стран кличуще и вопиюще, овый со огни различными, овый с лествицами, овый с стенобитными хитростями и иными многы козни на взятие града...“

„Турки-ж паки, услышавше звон велий, пустиша сурны и трубныя гласы и тумбан тмочисленных, и бысть сеча велиа и преужасна: от пушечного бо и пищалнаго стуку и от зуку звоннаго и от гласа вопли и кричання от обоих людей и от трескоты оружия: яко молния бо блистааху от обоих оружия, также и от плача и рыдания градцких людей и жен и детей, мняшесь небу и земли совокупитись и обоим колебаться, и не бе слышати друг друга что глаголеть: совокупиша бо ся вопли и кричання и плач и рыдания людей и стук дельный и звон клакольных в един звук, и бысть яко гром велий. И паки от множества огней и стреляння пушек и пищалей обоих стран дымное курение згустився, покрыло бяше град и войско все, яко не видети друг друга с кем ся бьет, и от зелейного духу многим умрети. И тако сечахуся и маяся на всех стенах, дондеже ноцная тьма их раздели: Турки убо отыдоша в свои станы и мертвыа своя позабывше, а градцкие люди падоша от труда яко мертвы, токмо страж единых оставиша по стенам“.

На утро цезарь приказал собрать трупы и похоронить их. Число убитых греков в этом бою составило 1740, а „фряг и армен 700“. Цезарь же пошел осматривать городские стены и увидел полные рвы с трупами турок, „и пометиша всех убьенных до 18 тысяч“, которых „повеле цесар пожещи“.¹

Вторая битва, в которой участвовали также итальянские и армянские подразделения, оказалась еще более ожесточенной. Это было в тридцатый день осады. Турки делали еще одну яростную попытку приступом овладеть Царьградом. Защитники города, услыша „звон церковей божьих“, с еще большей отвагой и храбростию дрались „нещадно“ с турками. Трупы с обеих сторон падали, как снопы, кровь текла потоками по городским стенам. С наступлением ночи турки отошли в свой стан. Городские люди падали от усталости и изнеможения. „И не бе тоя нощи слышати ничтоже, развее стонание и вопль сеченых людей, но и еще живи бяху“. На утро цезарь повелел собрать трупы и похоронить, а раненым оказать помощь. Во время этой второй страшной битвы было много убитых: „И собраша мрътвых Греков и Фряг и Армен и иных пришлых людей 5700“. Но турецкая армия понесла потери во много раз большие. Когда Зустуня (один из византийских полководцев) с вельможами пошел осматривать городские стены, то он насчитал „до 35000 убьенных неверных“.²

„Повесть о Царьграде“ сохранила эти сведения об „арменах“, сражавшихся в войсках „православного царя Константина“ против турок.³

¹ Там же, стр. 8—10.

² Повесть о Царьграде..., стр. 12—14.

³ См. также: ПСРЛ, т. XII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летописью. СПб., 1901, стр. 84—86.

Восточная политика предшественника Грозного — Ивана III — предопределялась борьбой с остатками государства Золотой Орды, стремлением склонить на свою сторону всех недовольных местными властями, прежде всего христианское население, и все большим и большим укреплением русского влияния.

В конце XV века во главе Казанского царства фактически оказались прямые ставленники Ивана III. Иван Грозный продолжал эту политику. Он все больше и больше проникал на юго-восток, пытаясь сначала мирным путем подчинить себе эти дальние территории. Задача завоевания Казанского царства и Астрахани настойчиво выдвигалась и самими условиями, которые в XVI веке сложились так, что подчинение этих территорий стало исторической необходимостью для обеспечения границ Русского государства.

События XVI века и значительные сдвиги в политической и экономической жизни России не могли не повлиять как на внутреннее состояние страны, так и на ее международное положение. Ликвидация феодальной раздробленности, укрепление централизованного Русского государства, успешные военные походы Ивана Грозного, завоевание Казани в 1552 году и Астрахани в 1554 году, выход русских в Нижнее Поволжье — все эти события в целом создавали благоприятную обстановку для дальнейшего развития экономической и политической жизни страны, расширения дипломатических и культурных связей с Востоком.

В поисках надежной опоры русские должны были в первую очередь сблизиться в еще большей степени с соседними христианскими народами.

При осаде Казани, как сообщает Казанский летописец, — в городе оказалось большое количество иноземных купцов, в числе которых были и армяне. Казанцы, надеясь на крепость своего города, на большие продовольственные запасы, решили оказать упорное сопротивление, организовали оборону. Пять тысяч иностранцев, „Бухар и Шамахен, и Турчан, и Армен“, казанцы не выпускали из осажденного города. Более того, они решили использовать их в борьбе с русскими.¹

Как же Казанский летописец описывает поведение армянских купцов, оказавшихся в осажденном городе? Он говорит о них с явным сочувствием, потому что они были на стороне русских. Армяне отказались биться с русскими. Тогда татары привязали их железными цепями к пушкам, поставили сзади них солдат с обнаженными мечами и под угрозой смерти заставили их стрелять по русским полкам. Но и тут татары не достигли успеха, потому что, как говорит летописец, армяне „лестно и худо бяху и не улучаху, аки неумеючи, и ядра черес все перепущаху или не допущаху, едва кого убиваху“. Таким образом привязанные цепями к пушкам армяне стреляли так, что ядра или не долетали, или перелетали через русские войска. Этот эпизод свидетельствует о горячем сочувствии армян русским. О поведении армянских купцов узнал и русский царь, который, как говорит Казанский летописец, „великие милости за се подаст им: живых всех испустив во отечествия их“.²

Армянская колония в Москве существовала задолго до этих событий. В летописи Авраамки, где повествуется о московском пожаре

¹ ПСРЛ, т. XIX. История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб., 1903, стр. 130.

² Там же, стр. 130.

1390 года, упоминается „посада за городом некоего армянина“. После взятия Казани, во время победоносного въезда Грозного в Москву, в числе инородцев вышли встречать его и армянские торговые люди. По повелению Ивана Грозного многие армяне были поселены в Москве на постоянное жительство в той части столицы, которая носила тогда название Белого города, где жили „обеленные“ свободные люди из инородцев, пользовавшиеся особыми льготами.

Очевидно, не без влияния казанских событий верхний ярус одного из девяти приделов Покровского собора в Москве (церкви Василия Блаженного), воздвигнутого Грозным в честь взятия Казани, в XVI веке был посвящен Григорию Армянскому. Возможно, что это было знаком внимания к армянам, доказавшим свое сочувственное отношение к русским во время последней осады Казани.¹ В Московской летописи говорится: „Месяца октября в 1 день (1560 г.), священы церкви придели в Новом Городе у Фроловского мосту, которые ставлены на возвещение чудес божиих о Казанском взятъе, в которые дни божия помочь и победа была православному царю над бусурманами: храм Живоначальные Троицы, Вход во Иерусалим, Николае Великорецкии, Киприан и Устинья, Варлаам Хутынский, Александр Свирский, Григорей епископ великия Армени“.² В официальном документе второй половины XVI века говорится о гостинио „Армянском дворе“.³ Армянский посад сгорел во времена нашествия крымского хана Дивлет Гирея, но, как об этом сообщает А. Д. Ерицов, „армянская колония в русской столице стала прочною и постоянною“.⁴

К числу древних армянских колоний на территории России относятся и астраханская. В Астрахани армяне живут с давних времен. Особенно усилился приток армян после 1554 года, когда город был завоеван русскими и присоединен к владениям Московского государства; он стал одним из важнейших пунктов сношений с Востоком. С астраханской колонией связана и Армянская Крутец гора в Симбирской губернии, о которой в русском географическом лексиконе сказано: „Армянская Крутец гора в Симбирской губернии с Сокольега, называется так от армян, взбунтовавшихся некогда в Астрахани и засевших на сей горе. Бывшего у них тут укрепления еще и поныне видны остатки. Самый верх Крутца от севера почти до южно-восточной стороны обведен земляным валом с принадлежащим ему рвом, которого глубины, смотря по отлогости вала, будет сажени на полторы от восточной даже до южно-восточной стороны крутизною горы неприступной. В окружности всего укрепления на глазомер будет около 500 сажений“.⁵

Трудно теперь установить, какими судьбами „взбунтовавшиеся некогда в Астрахани“ армяне оказались в Симбирском крае. Кто

¹ Мысль эта высказана в диссертации Г. Н. Моисеевой „Казанская история — новый этап в развитии исторического повествования древней Руси“.

² Летописец русский (Московская летопись) по рукописи, принадлежащей А. Н. Лебедеву. Чтения, кн. III, М., 1895, стр. 31, 127. — О постройке церкви Василия Блаженного в Москве см. подробно: А. П. Новицкий. История русского искусства, т. I, М., 1899, стр. 222—223; В. В. Суслов. Церковь Василия Блаженного в Москве. СПб., 1912, стр. 5—8.

³ АИ, т. II, стр. 19. — См. также: Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. X, стр. 155.

⁴ А. Д. Ерицов. Первоначальное знакомство армян..., стр. 50.

⁵ Географический словарь Российского государства, сочиненный в настоящем оною виде, ч. I, М., 1801, стр. 206.

бунтовал, о каком слое армянского населения идет речь, против кого они восстали и при каких обстоятельствах — все эти вопросы не лишены интереса. Но во всяком случае эти исторические данные подтверждают факт существования значительного армянского населения в Астрахани.

Тяготение армян к России можно наблюдать еще в раннем средневековье, но оно становится ощутимым, начиная с конца XVI века и в особенности в XVII веке. Русско-армянские культурные отношения вступают в новую фазу своего развития в Петровскую эпоху, когда были созданы предпосылки непосредственного сближения армянского народа с Россией.
